

Ольга Нагибина

ТАЙНА КОЛЬЦА РЯБУШИНСКИХ

ИСТОРИЯ. МИСТИКА.
ДЕТЕКТИВ

ПРИЗРАКИ ИСТОРИИ
МОСКВА

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Н16

Иллюстрации Даши Гутиевой
Иллюстрация на обложку Дмитрия Алексеева
Дизайн обложки: Курта Олег

Нагибина, Ольга Сергеевна.

Н16 Тайна кольца Рябушинских. История. Мистика. Детектив / Ольга Нагибина ; худ. Даша Гутиева. — Москва : Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026. — 224 с. : ил. — (Призраки истории).

ISBN 978-5-17-183655-9

После этого приключения в сети появилась группа «Сыщики-экскурсоводы», и вошли в нее четверо одноклассников — Ян, Марина, Полина и Мирон. Причиной появления этой группы стала разгадка мистических событий в богатейшем роду купцов-старообрядцев Рябушинских. И связаны они были с кольцом, которое, по легенде, Семён Рябушинский подарил сестре Евфимии. А вскоре случилась революция...

В общем, оказалось, что старая Москва хранит целый пласт загадок, прорастающих в XXI век, прямо там, где все, казалось бы, примелькалось и знакомо. А школьники века, когда все есть в смартфоне, способны стать настоящими детективами, участвуя в историческом, краеведческом, мистическом расследовании. Первое дело сыщиков-экскурсоводов открыто.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-183655-9

© Нагибина О. С., текст, 2026
© Гутиева Д. А., иллюстрации, 2026
© Алексеев Д. Г., ил. на обл., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ГЛАВА 1

Что может случиться в понедельник? Да ровным счетом ничего хорошего. Особенно если это второе сентября, да еще и первый урок — литература. У восьмого «Б» это вызывало стойкую тоску, граничащую с паникой: Мария Степановна сейчас войдет, улыбнется своей «строго-доброжелательной» улыбкой и попросит:

— Ну что, расскажите, что вы успели прочитать за лето!

С ударением на «прочитать», чтобы никто не вздумал отделаться комиксами или постами в соцсетях.

И конечно, руку первой поднимет Марина Дементьева. Она всегда первая. Потому что Марина Дементьева читает все — и то, что задают, и то, о чем даже преподаватели забыли. По ней это видно сразу: темные волосы заплетены в идеальные косички, форма отглажена и только очков

с толстой оправой не хватает для полного образа отличницы. Хотя зрение у нее, к сожалению, для стереотипа отличное.

Все было готово к ожидаемой трагикомедии понедельника, но в этот раз что-то пошло не так.

Первым сюрпризом стал Ян Пирожков, который вдруг сел за первую парту. Причем рядом с самой Дементьевой. Марина подняла на него изумленные глаза и тихо спросила:

— Ты чего?

Удивление было обоснованным: Пирожков стабильно оккупировал последнюю парту у окна и всегда мастерски прятался за спинами, едва учитель начинал задавать вопросы.

— Решил хорошо учиться, — с важным видом объявил Ян.

— Ага, — хмыкнула Полина Лебедева, устраиваясь на своем месте за второй партой. — Просто списывать решил у Марины.

Ян фыркнул и скорчил обиженную мину:

— Вот еще! Все сам делать буду. Вот увидишь — к концу года у меня троек будет меньше, чем у тебя.

— Ха, зато двоек прибавится, — не сдержалась Полина.

Ян уже открыл рот, чтобы огрызнуться, как в класс вошла Мария Степановна. Одновременно прозвенел звонок. Синхронность была пугающая, словно она и звонок давно заключили союз против школьников.

Учительница прошлась взглядом по классу и, не успев даже сесть, вдруг сказала:

— Ну что, восьмой «Б», — и сделала небольшую паузу. Казалось, вот-вот прозвучит ее фирменное: «Что вы прочитали за лето?» Но вместо этого прозвучало нечто совсем неожиданное: «Что вы думаете об экскурсии в Третьяковскую галерею?»

Класс замер. Все внутренне приготовились к литературной расправе, а тут — картины? В сентябре? Без угроз и пересказов «Капитанской дочки»?

— Да ничего мы не думаем, — буркнул Пирожков. — Картины, картины, еще раз картины... А еще экскурсовод — пожилая дама с вечным вопросом: «А знаете ли вы, что хотел сказать художник этим полотном?» В прошлом году в мае такое уже было, да и в позапрошлом тоже.

Мария Степановна выдержала паузу и сказала:

— Вот как... А я уже отпросила вас у директора и все организовала. Но если вы не хотите...

Тут восьмой «Б» взорвался, как кастрюля с борщом на плите.

— Да не слушайте вы этого Пирожкова! — громко возразил Мирон, подтягивая на запястье манжет. Со своими вечно растрепанными кудрями и вечным галстуком-бабочкой он походил на дирижера. — Мы за! Правда, ребята?

— Конечно! — раздались голоса. — Мы за!

— Мы любим искусство!

— Мы хотим в музей!

— И чтобы без контрольной!

Ян не стал спорить, лег на парту, уткнувшись в согнутые руки.

— Раз все за, кроме Яна, — подытожила Мария Степановна, — тогда собираемся.

— Сейчас? — удивленно переспросила Маринка, глядя на свой читательский дневник так, словно в нем сгорели страницы. Она вела его все лето: аккуратный, в клеточку, с названиями произведений, цитатами и цветными стикерами. Уже приоткрыла его и теперь готова была чуть ли не наизусть процитировать всех прочитанных русских классиков, как вдруг — никакой литературы.

— Да, Дементьева, сейчас, — кивнула Мария Степановна. — Но ты и Ян можете остаться. Я вам задание дам и договорюсь с вашим классным руководителем, чтобы проследила, что вы все выполнили.

— Нет, ну как так-то? — возмутился Пирожков. Он с неожиданной решительностью захлопнул Маринин дневник, сунул его ей в руки, встал и махнул в сторону двери: — Если все идем, то идем все!

Маринка смотрела на него с выражением, с каким обычно смотрят на оживший памятник. Кажется, она даже забыла, как моргать. Ян поймал ее взгляд, вздохнул и проворчал:

— Ну чего ты смотришь? Собирайся и пошли. Не хочу я второго сентября сидеть и писать сочинение.

Полина не могла не вставить реплику.

— Пирожков, ты же хотел учиться, — пода-
ла она голос с прежним ехидством. Ее белая ру-
башка как будто даже ослепительно сверкнула от
удовольствия.

— Ой, да ну тебя, — фыркнул Ян.

Класс начал собираться с такой скоростью,
с какой обычно только выбегал на перемену. Уго-
варивать никого не пришлось — перспектива
не сидеть за партой, а вместо этого куда-то идти,
была настолько соблазнительной, что даже те, кто
обычно не вылезал из учебников, первым делом
схватились за рюкзаки.

Полина уже застегивала рюкзак:

— Только бы не тот экскурсовод с пучком
на голове. В прошлый раз она так зло на меня
посмотрела, когда я не ответила на вопрос.

Мирон хитро подмигнул Полине:

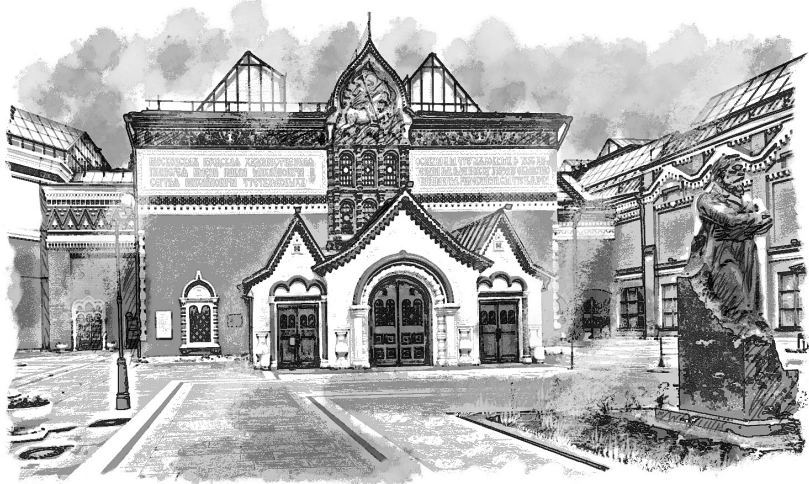
— А хочешь, я тебе устрою особую экскурсию
по Третьяковке?

— Хочу! — Глаза у Полины моментально за-
горелись. — А какую?

— Главное — держись меня, — загадочно ска-
зал Мирон. — А там увидишь.

— Договорились, — улыбнулась она, присте-
гивая лямку рюкзака.

До Третьяковской галереи они добрались бы-
стро. Школа находилась всего в паре километров,
так что маршрут был привычен — почти как клас-
сическая контрольная по русскому весной: регу-

лярная, неизбежная и сопровождающаяся легким волнением.

Но все равно каждый раз, когда они выходили из подземного перехода, проходили по старому переулку и перед ними открывался фасад галереи, казалось, что попали в другую эпоху.

Перед зданием — статуя самого Третьякова. Строгий взгляд, каменные руки скрещены на груди, как будто он все еще решает, кому из художников быть внутри, а кому — нет. Дом-терем с белыми наличниками и мозаикой под крышей казался волшебным.

Над входом тянулись изящные надписи, полукруглые окна, золоченая линия кровли, а над аркой — барельеф с Георгием Победоносцем. Лицо у святого, конечно, не ласковое, но для галереи это было вовсе не главным — важнее то чувство торжественности, которое он придавал входу.

Внутри было тихо, как в библиотеке, только негромко шуршали шаги одноклассников. Уже у входа их встретил экскурсовод. К облегчению Полины, это была не та женщина с пучком и ледяным взглядом, а совсем другой человек. Мужчина лет сорока, в светлой рубашке и жилете, с веселыми глазами и блокнотом в руках.

— Добро пожаловать в Третьяковскую галерею! — улыбнулся он. — Меня зовут Алексей Петрович, и сегодня мы с вами не просто посмотрим на картины, а попробуем разгадать одну настоящую загадку.

Класс, который еще секунду назад думал о том, где бы поудобнее встать, вдруг замер.

— Загадку? — переспросила Марина.

— Именно, — кивнул Алексей Петрович. — В конце экскурсии я для вас подготовил интересную викторину.

Ян фыркнул:

— Неужели ты подумала, что мы прямо сейчас начнем расследовать загадку украденной картины? Или, скажем, блуждающего по галерее призрака?

— Тут есть призрак?! — вскинулась Света.

— А он по ночам появляется? — раздалось из глубины строя.

— А как он выглядит?

— Это не сам ли Третьяков?..

Вопросы посыпались со всех сторон. Кто-то уже повернулся к Мирону и шепнул, что слышал про лестницу, ведущую в подвал, где якобы хра-

нят «неудобные» картины. Кто-то начал делиться сведениями о том, что однажды портрет моргнул.

Алексей Петрович попытался что-то сказать, но его мало кто услышал. Тогда он обреченно посмотрел на Марию Степановну с видом: «Ваши».

Мария Степановна вздохнула, выпрямилась и спокойно, но строго произнесла:

— Так, прекратить балаган. Не слушайте Пирожкова. Никакого призрака в галерее нет.

— Э-э-эх... — разочарованно протянул класс хором.

— Ребята, — вмешалась Мария Степановна, на этот раз чуть мягче, но с тем же хорошо знакомым «учительским» напором, — давайте проявим уважение и послушаем Алексея Петровича. Я уверена, он расскажет нам много интересного.

— Но не про призрака? — с тревогой уточнила Света, поеживаясь и озираясь на стены, ожидая, что оттуда в любой момент мог выглянуть кто-то с бородой и недовольным взглядом.

Мария Степановна устало выдохнула. Она уже пожалела, что затеяла этот поход.

— Не про призрака. А теперь — внимательно слушаем.

Алексей Петрович чуть склонил голову и с улыбкой продолжил:

— Ну что, восьмой «Б», начнем? Только одно условие: скучать запрещается. Иначе вся эта живопись обидится и отвернется. Поверьте, картины здесь с характером.

Класс оживился. Кто-то усмехнулся, кто-то даже убрал телефон.

— Первое, что вам нужно запомнить, — начал экскурсовод, ведя группу вперед, — каждый экспонат здесь ценнее, чем вы можете себе представить. Это не просто картины — это история. Куртки, зонты, рюкзаки и прочие громоздкие вещи мы сдаем в гардероб не потому, что музей жадный до пространства, а потому, что уважает свои сокровища. И, честно говоря, так вам самим будет удобнее.

Он подмигнул Свете, которая как раз прижимала рюкзак к себе, чтобы пройти с ним незаметно.

— Давайте же начнем. Годом рождения Третьяковской галереи считается тысяча восемьсот пятьдесят шестой. Представьте: молодой московский купец Павел Третьяков покупает две картины — «Стычка с финляндскими контрабандистами» и «Искушение». В голове у него уже был план: создать национальный музей русского искусства. Не просто коллекцию для богатых друзей, а музей, куда сможет прийти любой. Даже ученики восьмого «Б».

Алексей Петрович сделал паузу, ожидая, что его шутка будет смешной, но ученики молчали, и он продолжил:

— Павел Михайлович верил, что у страны должно быть собственное лицо в живописи. И в тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году

музей открыл двери для всех. На тот момент в коллекции уже было больше тысячи трехсот картин русских художников и восемьдесят с лишним — иностранных. Некоторые писались по заказу Третьякова — он знал, кого и зачем приглашает.

— Типа коллекционер с миссией, — шепнул Мирон.

— Коллекционер с мечтой, — поправила Марина.

Алексей Петрович одобрительно кивнул.

— Вот теперь вы меня понимаете. Сейчас нас ждут шестьдесят два зала, и начнем мы с верхнего этажа. Нумерация, кстати, начинается оттуда.

Он повел группу вверх по лестнице.

— Сначала мы окажемся в залах восемнадцатого века — это художники, которые писали русских аристократов, государственных деятелей, даже императриц. Представьте себе, в этих портретах — не только мода и парадные позы, но и целая эпоха. И поверьте, у многих из этих людей были свои секреты.

Ребята следом за экскурсоводом вошли в первый зал. Они ходили от картины к картине, Алексей Петрович коротко рассказывал о художниках. Плавное, не перегружая фактами, но цепляя внимание, как опытный рассказчик.

И вот они остановились у одной стены. На ней висело несколько портретов, но экскурсовод выделил один.

— А теперь, — сказал он, чуть понизив голос, — о картине, вокруг которой веками витает особая история. Владимир Боровиковский. «Портрет Марии Лопухиной».

Класс потянулся ближе.

— Казалось бы, портрет как портрет. Юная девушка, задумчивый взгляд, природный фон, мяг-

кие линии. Но за этой работой тянется шлейф... не совсем живописный. Скорее — мистический.

Он сделал паузу. Марина подняла брови, Полина нахмурилась, Ян скептически покосился в сторону Мирона, но тот только кивнул, как бы говоря: «Интересно же».

— Лопухиной было всего восемнадцать, когда ее написал Боровиковский, — продолжил Алексей Петрович. — Дочь генерала Ивана Толстого, красавица, умница, только что вышла замуж. Счастлива, здорова. Этот портрет заказал ее муж, придворный егермейстер. Все казалось идеальным. А через пять лет — чахотка. Девушки не стало. И вот с тех пор пошли слухи. Поговаривали, что дух Лопухиной живет в портрете. Что она завораживает взглядом, а потом... уводит за собой. В салонах того времени даже рассказывали о девушках, которым становилось плохо после посещения дома, где висел этот портрет. Якобы они начинали чахнуть. Случаев было не меньше десяти.

— Бред, — буркнул Ян.

— Есть версия, — продолжал экскурсовод, — что недобрая слава пошла не от художника, а от отца Марии. Иван Толстой был известным мистиком, членом масонской ложи. И кто-то верил, что он «переселил» душу дочери в это полотно.

Некоторые ребята отступили на шаг. Но Полина осталась стоять, пристально глядя на лицо девушки с картины.

— Знаете, что удивительно? — Алексей Петрович выпрямился. — Павел Третьяков, когда приобрел портрет, не верил в мистику. Он считал эту работу вершиной русского сентиментализма. Поэтичной, тонкой. Ее красота вдохновила многих. Даже поэт Яков Полонский написал строки, посвященные этой работе.

Алексей Петрович прикрыл глаза и прочитал вслух:

Она давно прошла, и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье — тень любви,
и мысли — тень печали.

Но красоту ее Боровиковский спас...

— Кстати, с тех пор как картина попала в галерею, прошло больше ста лет. Сотни тысяч людей ее видели — и оставались живы. Но... — он чуть прищурился, — кто знает, может быть, она теперь просто выбирает внимательнее?

— Давайте пойдем дальше, — сдавленно сказала Света, — я не люблю жуткие истории.

Алексей Петрович кивнул:

— Конечно. Переходим в следующий зал.

Толпа медленно потекла вдоль стены, кто-то еще задержался, чтобы сделать фотографию.

Полина уже хотела задать вопрос, но Мирон вдруг слегка дернул ее за рукав.

— Идем, — прошептал он.